

УДК 821.161.1

Образ Ленинграда в творчестве Ювана Шесталова (на примере повести «Синий ветер каслания»)

Динисламова Светлана Силиверстовна

Кандидат филологических наук,
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14А;
e-mail: dinislamovass@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в рамках научного проекта № 17-14-86002.

Аннотация

Изображение городской среды для писателей-северян – явление редкое. В мансийской литературе тему города (образ Ленинграда) затронула М.П. Вахрушева в повести «На берегах Малой Юконды» (1949), Ю. Шесталов в повести «Синий ветер каслания» (1964). Ленинград является «кузницей кадров» и подлинной культурной столицей для коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. В своей истории город имел несколько названий. Исследуя образ Ленинграда в творчестве Ю. Шесталова, мы, по сути, рассматриваем петербургский текст в творчестве писателя-манси. Понятие «петербургский текст» было введено в научный оборот в 1984 году В.Н. Топоровым и Ю.М. Лотманом. В повести Ю. Шесталова показан город, увиденный глазами северянина. В целом, образ Ленинграда (Петербурга) воплотился у писателя, с одной стороны, в виде вполне конкретного города с узнаваемой архитектурой: гранитными набережными, мостами, Эрмитажем, каменными сфинксами, с другой стороны – это город-Учитель, город пробуждения, город юности. Писатель не спеша ведет свой монолог с городом, доверяет ему сокровенные думы. Он признается в неприятии городской среды, но ищет пути примирения. После встречи любимой, вмиг исчез негатив окружающей действительности, и Ленинград показался понятным и родным. Через атрибуты города Ю. Шесталов умело передает состояние своего героя. В целом, Ю. Шесталов вписал в петербургский текст свои страницы, которые так же ценны и значимы, как страницы А.С. Пушкина, А.А. Блока, Ф.М. Достоевского.

Для цитирования в научных исследованиях

Динисламова С.С. Образ Ленинграда в творчестве Ювана Шесталова (на примере повести «Синий ветер каслания») // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 335-346.

Ключевые слова

Юван Шесталов, образ Ленинграда, городской текст, петербургский текст, мансийская литература.

*...Пусть не люльку у причала –
Ты, Нева, мой ум качала;
Крылья мне дала навечно.
О спасибо, друг сердечный!*
Юван Шесталов

Введение

В 1984 году в научный оборот было введено понятие «петербургский текст», когда в издании «Труды по знаковым системам» Тартуского университета были опубликованы статьи В.Н. Топорова «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» [Топоров, 1984] и Ю.М. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» [Лотман, 1984]. Осмысление петербургского текста В.Н. Топоровым было продолжено в ряде других работ, тем самым обозначился вектор изучения локальных сверхтекстов. Ученый определил природу петербургского текста, обозначил главные методологические подходы к его осмыслению и открыл перспективы дальнейшей «реконструкции» его. При этом, «в соответствии с традициями семиотической школы, Петербургский текст первыми его исследователями (и многими последователями) понимается как культурное пространство города в целом, а не только как совокупность литературных произведений» [Галимова, www]. Однако в последние годы в центре внимания литературоведов при исследовании петербургского текста, а также при попытках описания других локальных сверхтекстов, чаще оказывается текст как речевое литературное произведение. И далеко не любой город, точнее – образ не каждого города – может обладать чертами сверхтекста. Н.И. Меднис в статье «Тексты и его границы» пишет о том, что «На вопрос, какие провинциальные города России образуют свои литературные сверхтексты, можно с достаточно высокой степенью уверенности ответить – немногие. Конкретизация ответа потребовала бы в этом случае проверки огромного пласта

разнокачественного художественного материала, что пока исследователям удалось сделать лишь в единичных случаях. Чаще мы видим в литературе некие очевидные осколочные текстовые образования, позволяющие говорить об образе того или иного города в творчестве какого-либо писателя или ряда писателей, как о Вятке в произведениях Салтыкова-Щедрина, о Тамбове или Саратове в русской литературе XIX века. Однако вряд ли можно при этом вести речь о Вятском или Тамбовском текстах русской литературы в целом» [Меднис, www].

Что касается петербургского текста, подчеркнем и то, что по трактовке В.Н. Торопова, – «это не просто тексты о Петербурге, это некоторое символическое и мифопоэтическое образование, обладающее монолитным смысловым содержанием, которое запечатлено во многих его «субстратных» элементах. И его творцы – не обязательно петербургские авторы, его создавала вся Россия» [Топоров, 1984, 7]. В.Н. Топоров определил петербургский текст не только символически, но и эмпирически через указание круга литературных текстов. Начало было положено на рубеже 20-30-х гг. XIX века А.С. Пушкиным, подхвачено Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским, С.Т. Григорьевым, В.В. Крестовским, поэтами-символистами и, наконец, в XX веке А.А. Ахматовой и О.Э. Мандельштамом.

Образ Ленинграда в творчестве Ювана Шесталова

В центре нашего исследования – петербургский текст в творчестве писателя-манси. В советский период город стал «кузницей кадров» и подлинной культурной столицей для коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. В 1925 г. при рабфаке Ленинградского государственного университета было открыто северное отделение, в 1930-е годы Северный институт становится самостоятельным и получает название Институт народов Севера. Начиная с 1925 года, в Ленинграде учились дети охотников, рыбаков и кочевников. Учебная программа учитывала специфику их образа жизни, традиций и промыслов. Из стен института вышли многие талантливые люди, в том числе ученые, художники, писатели, посвятившие себя развитию и процветанию родного края. Но прежде были их первые впечатления от знакомства с городом: «На берега Невы приезжали юноши и девушки, которые ориентировались в бескрайней тундре, но в городе, где не видно горизонта и «мешают» дома, могли заблудиться. Известен случай с одним северянином, «потерявшимся» зимой в Ленинграде, и только спустя три дня, сильно простуженный, он был приведен милиционером в институт. Этим молодым людям было тесно и душно в помещении, и поначалу они разводили во дворе костер и ставили чум, чтобы можно было свободно дышать. Они оказались не просто в другом месте – в другом мире, учились не только говорить по-русски, читать и писать, но входили в иную жизнь, без познания которой не могли выйти

за пределы своей родной, но первобытной цивилизации. И, несмотря на все трудности, они достигали желаемого – оставаясь собой, приобщались к культуре всего человечества» [Смирнова, 2013, 45].

Юван Шесталов, выросший в семье рыбака-охотника в таежных деревушках Квайк-я и Хомрат павыл (Камратка), с более крупным поселением познакомился лишь в старших классах – это был поселок Березово. В 1954 году он едет на учебу в Ленинград, и впечатления будущего поэта от знакомства с городом мало чем отличались от впечатлений первых студентов-северян. Творчество Ю. Шесталова автобиографично. Писатель в повести «Синий ветер каслания» нами рассматривается как прототип героя-повествователя, который делится своими воспоминаниями о первой встрече с городом на Неве. Оленеводам привезли кинопередвижку, показывают фильм о Ленинграде. Людям многое непонятно: почему река одета в гладкий камень, а дома – словно каменные горы, «...И народу тьма, словно рыбы в море...

– И зачем столько народу собирается вместе? – удивляется тетя Сана. – На праздник какой, что ли?

– Ни травинки, кругом камни... Больно, наверное, ногам? Не с копытами ли они? – спрашивает хриплым голосом Яныг-турпка-эква.

– А это что за коромысло над Обью?

– Это мост. И река эта не Обь, а Нева, – разъясняет Ай-Теранти.

И машин много...

– Как муравьи в муравейнике...

– Кругом камни, камни... И как здесь люди живут?» [Шесталов, 1997, 418].

Наблюдая за сородичами, герой-повествователь мысленно соглашается с тем, что город его юности сначала тоже показался ему непонятным и чужим и даже некрасивым и жестоким. Улицы показались чересчур шумными, многолюдными, а из-за высоких домов они напоминали ущелья. Из-за высоты домов не было видно солнца, такого, к которому он привык у себя на родине – солнцу, отражающемуся в зеркальной глади воды.

Показаны в произведении ощущения героя, испытанные от поездки на городском транспорте. Писатель передает их на основе сравнения со сказочным сюжетом: «Однажды по Оби ехали манси на большой лодке – саранхап. Было тихо-тихо. Вода блестела, как жир. Вдруг гладь воды стала гнуться и ломаться, а потом забурилась, запенилась: навстречу манси неслась гигантская рыба-зверь. Она плевалась струями воды и проглатывала все, что попадалось на пути. Проглотила и эту лодку с людьми.

Сидят манси в животе этой рыбы и думают, что делать, как выбраться из этой тесноты. К

счастью, в лодке были острые топоры. И когда прорубили люди рыбий бок, долго радовались они свежему воздуху, высоко вздымались их груди и сияли глаза!..

Такую же радость испытал я, когда вышел из автобуса. Вот таким ты показался, Ленинград. Плохо было. Все видел сны...» [там же, 420].

И действительно, для людей, выросших в сельской местности, поначалу город представляет собой совершенно особый тип пространства, который непонятен и чужд. У Ю. Шесталова фоном для большинства произведений является мир таежной глубинки. Его герои – рыбаки, охотники, оленеводы – живут в обычном и понятном для них мире природы. Городской же текст представлен у писателя-манси лишь в повести «Синий ветер каслания».

Изображение городской среды для писателей-северян, конечно же, редкое явление, т.к. в культуре народов традиционными являются небольшие поселения. В мансийской литературе тему города затронула в своей небольшой повести М.П. Вахрушева («На берегах Малой Юконды»), в родственной хантыйской литературе – Е.Д. Айпин. Е.В. Косинцева – автор статей «Парижский текст в творчестве Е. Д. Айпина» [Косинцева, 2016], «Образ города в прозе Е.Д. Айпина (на материале рассказа «Осень в твоём городе»)» [Косинцева, 2017], об этом пишет: «Впервые в хантыйской литературе писатель изобразил городское пространство (городской пейзаж не характерен для литературы ханты в силу традиционных для этноса условий проживания вне городской среды) и не просто пространство города, а Парижа – европейского мегаполиса, заставив задуматься над средствами воссоздания европейского города в произведении и заговорить о французском тексте в хантыйской литературе в XXI веке» [Косинцева, 2016, 36]. Далее исследователь поясняет, что созданное Е.Д. Айпиным пространство города можно рассматривать как нетрадиционное для национальной литературы ханты явление.

Возвращаясь к Петербургскому тексту, отметим одну закономерность: выпускники Института народов Севера, выбравшие для себя писательский труд, в своем творчестве так или иначе обращались к городскому тексту, а именно к Петербургскому. Считаем, что для выпускников-северян, как для Ю. Шесталова, так и для Г. Ходжер, Ю. Рытхэу, В. Санги, В. Ледкова, Л. Лапсуя и др., Ленинград стал символом высокой культуры, вбирающим в себя значительную часть русской культуры. В повести герой Ю. Шесталова от имени своих сокурсников с благодарностью признается: «О, город каменный, ты помог нам увидеть то, чего мы не видели раньше и не чувствовали. Нет, мы совсем не перестали быть северянами. Наоборот, мы стали как-то ярче. Ты нас научил слушать себя, и мы чаще стали спрашивать: «Кто мы?»

Кто мы? И ненец Василий Лебедев, и хант Гена Райшев, и эвенк Владимир Хромов. Кто

мы? Мы однокурсники. Мы – студенты. А до этого были маленькими охотниками и маленькими рыбаками. И матери, и отцы наши были охотниками и рыбаками. И, кроме этого, очень мало что знали. Студент... Наши родители не слышали такого слова. Когда моего отца спрашивали, где учиться его сын, он отвечал: «В конституции» [Шесталов, 1997, 423].

Именно в Ленинграде в Шесталове проснулась творческая мысль, и ожившие воспоминания событий детства и юности превратились в яркие художественные образы. В повести после показа оленеводам фильма о Ленинграде герой взволнован. Он как будто вновь побывал в городе своей юности, вновь увидел улицы Ленинграда, которые сначала показались ему чересчур шумными, «как сварливые старухи», они кишели людьми, как муравейники – муравьями. Он наткнулся на людей, они с удивлением смотрели на него, а он на них. «Нет, не смотрел я, а глазел. Глазел на разукрашенные витрины магазинов, на стены домов, на асфальт. В кино и на рисунках они были такими чистыми, красивыми, твои улицы, мосты, дворцы. Я так мечтал это все увидеть!

Асфальт твоих улиц виделся мне сияющим, зеркальным. Вот, думал, как хорошо – не надо зеркала: посмотришь вниз – увидишь себя.

Я был в недоумении, почему асфальт показался в кино другим. Но однажды вечером этот секрет раскрылся. Я шел по твоему воспетому поэтами Невскому, и вдруг, откуда ни возьмись, хлынул ливень. Я прижался к стене, под навес.

– Опять небо прорвалось, – сказал кто-то рядом со мной.

– Сейчас перестанет, – откликнулся другой.

Правда, немного погодя асфальт перестал пузыриться и кипеть, как котел. Зажглись огни! И словно тысячи лун сразу осветили Невский. И асфальт сиял, как в кино. А в радужных брызгах летели такси. Их зеленые глаза – ярче глаз звериных. Все блестело, искрилось...

Но это еще не примирило меня с тобой, мой город!» [там же, 419].

Писатель не спеша ведет свой монолог с городом – со своим Учителем, доверяет ему сокровенные думы. Он признается в неприятии городской среды, т.к. его угнетала архитектура города, многолюдье, транспорт. Но он ищет пути примирения, и, конечно же, находит. Ленинград познакомил поэта «со своей дочерью. Она почему-то напоминала пушкинскую Татьяну. Я ее полюбил еще там, среди снегов и ярких северных сияний. Я мечтал встретить такую же. И вот она вправду явилась и повела меня по твоим проспектам, мостам и паркам.

Сразу все преобразилось. Ожили во мне строки твоего гениального певца. И мосты повисли над водами, и Медный Всадник поскакал, и Адмиралтейская игла стала казаться светлей. И бродил я, как заколдованный самым сильным в мире шаманом.

... Эрмитаж. Я и раньше слышал об этом сказочном дворце искусства. Но как я был поражен, какие видения возникли и навсегда врезались в память, когда все это предстало перед

глазами. Словно передо мной было северное сияние – самое яркое, живое, вечно движущееся искусство природы» [1, с. 420].

Через атрибуты города Ю. Шесталов умело передает состояние счастья своего героя. Он – влюбленный – вдруг стал смотреть на город другими глазами. Встретил возлюбленную и вмиг исчез негатив окружающей действительности, и Ленинград показался понятным и родным: «...Однажды твоя дочь повела меня на Кировские острова. Я был увлечен, смотрел в ее тихие смолистые глаза и не заметил, как мы очутились в зелени деревьев, среди щебета птиц и в окружении прудов. Я снова почувствовал солнце, оно с веселого пруда улыбалось мне: «Узнаешь?» Я был благодарен ему, что оно не забыло меня и в далеком городе улыбнулось мне, как в детстве» [там же, 420]. Как видим, если раньше герой видел лишь серый асфальт, каменные стены домов, слышал лишь шум улиц и страдал от того, что среди домов, которые казались ему «выше снеговых гор» он не видел солнца, то теперь рядом с возлюбленной мир наполнился ярким солнечным светом. Исчезла иллюзия замкнутости, город постепенно стал расширять свои границы. И вот перед влюбленными появляется сияющая гладь воды. «Это была Нева. Она нежилась под солнцем. На берегу люди. Наверное, здесь тысячи людей. Я никогда не видел так много народу. Как чайки на песчаном берегу Оби, белели они на пляже.

– Это и называется пляж? – спросил я.

– Это и есть пляж. Здесь можно купаться. Хочешь? Не дождавшись ответа, она быстро разделась и оказалась в воде. Плыла она, как золотистый бобер. Барахталась. От брызг – радуга. Хорошо стало. Словно я был опять на родине. И брызги летели, и солнце смеялось, и песок хрустел, и листья светились. Как хорошо! Не так уж жесток и неприветлив ты, каменный город. В тебе, оказывается, есть запах и моей родины: запах воды, солнца, трав. В тебе, оказывается, есть даже и простор: вон какая гладь – конца не видно.

С тех пор я дышал свободнее. И ты, Ленинград, для меня стал светлее и просторней...» [там же, 422].

Есть в тексте и адрес учебного заведения, в котором студенты-северяне открывали для себя новый мир: Институт; Мойка, 48. Если в детстве герою казалось, что рыбаки и охотники самые мудрые люди на земле, а настоящие люди – манси, то теперь герой научился слушать «сердца больших людей»: Блока, Пушкина, Гоголя, Достоевского... «Блок... Я слушал сердце Блока и чувствовал себя. Я – человек ...

А что, если послушать себя, свое сердце? Я – северянин, у меня возникают мысли, которых, может быть, у других нет. Даже у Блока. А если все перенести на бумагу? И она, быть может, заговорит языком моего маленького народа. Я стал вслушиваться в себя...

Странно... В Ленинграде, далеко от родных мест, я вдруг почувствовал красоту языка моего маленького народа [там же, 423].

Юван Шесталов прожил в Ленинграде почти тридцать лет. В этом городе он создавал свои

произведения, думал о людях, о Земле, о сложном мире. В повести «Синий ветер каслания», созданной в 1964 году, через размышления героя писателем показано, как непрост путь от древнего уклада жизни коренного населения к современной действительности. Все новое и передовое герой связывает с городом, школой, цивилизацией, в котором видит и положительные и отрицательные моменты. Создавая образ города на Неве, писатель говорит о прозрении, пробуждении своего героя: «Ленинград познакомил меня с нанайцем и эскимосом, с селькупом и чукчи, с тунгусом и саами. Много у меня стало друзей. Мы жили и учились в одном доме. Тунгус такой же, как и манси, как ненец. Ленинград объединил нас семьей единой.

Мы навечно останемся благодарны городу на Неве. Он помог нам увидеть то, чего мы не видели раньше и не чувствовали. Нет, мы совсем не перестали быть северянами, людьми полярного сияния. Наоборот, раскрылись полнее, ярче. Во всей самобытности» [Шесталов, 1974, 67]. Трепетное признание в любви к городу ощущается в каждой строке произведения. Город для него как действующее лицо – это Учитель – человек, ведущий за собой в мир знаний.

В повести «Синий ветер каслания» показан город, увиденный глазами северянина. Ю. Шесталов вписал в Петербургский текст свои страницы, которые так же ценны и значимы, как страницы А.С. Пушкина, А.А. Блока, Ф.М. Достоевского. Н.М. Меднис справедливо считает, что «Существование внутри Петербургского текста отдельных больших и малых сегментов ни в коем случае не означает, что сверхтекст этот внутренне рыхл и держится как целое лишь на суммарности его составляющих. Напротив, все доселе сказанное с несомненностью показывает, что объемный Петербургский сверхтекст русской литературы целостен и отмечен большой силой внутренних скреплений, хотя, вместе с тем, он динамичен и, видимо, незавершен» [10]. Итак, каждый из авторов Петербургского текста видит город по-новому и замечает то, чего раньше не видели другие. Если обратимся к критериям выделения в русской художественной литературе особого Петербургского текста, то в творчестве Ю. Шесталова они предстанут следующим образом:

Внутреннее состояние: а) отрицательное – суетность города («...народу тьма», «Я наткнулся на людей»); тревога («И как здесь люди живут?»), «На твоих улицах я был словно в ущельях...»); уныние («...тусклые кирпичи соседнего дома»); недоумении («Почему асфальт показался в кино другим?»); грусть («Вот таким ты показался, Ленинград. Плохо было. Все видел сны...»); б) положительное – радость («Я снова почувствовал солнце», «Ленинград! Ты меня слушаешь? Пумасипа! Большое спасибо», «Хорошо стало. Словно я был опять на родине»); новая жизнь («Ты открыл глаза нам, как младенцам», «Жизнь становится глубже и шире»); благодарность («Ты великий учитель», «Ты научил нас писать книги...»).

Общие операторы и показатели модальности: вдруг («Вдруг бледное полотнище засияло,

словно зажглось дневным светом», «...и вдруг, откуда ни возьмись, хлынул ливень»); однажды («Но однажды вечером этот секрет раскрылся», «Однажды ты познакомил меня со своей дочерью», «Однажды твоя дочь повела меня на Кировские острова»); сразу («Сразу все преобразилось»); с тех пор («С тех пор я дышал свободнее»).

Природа: а) отрицательное – «Ни травинки, кругом камни», «Опять небо прорвалось, – сказал кто-то рядом со мной»; б) положительное – зелень деревьев, щебет птиц, пруды, солнце «Я снова почувствовал солнце, оно с веселого пруда улыбалось мне», сияющая гладь воды, «запах воды, солнца, трав», «Ленинград! Твоя река стала моей родиной», «В тебе, оказывается, есть даже и простор: вон какая гладь – конца не видно».

Культура: а) отрицательное – «Ты мне в первый раз показался жестоким и некрасивым», «Твои улицы кишели людьми, как муравейники – муравьями», «Глазел на разукрашенные витрины магазинов, на стены домов, на асфальт. В кино и на рисунках они были такими чистыми, красивыми, твои улицы, мосты, дворцы»; б) положительное – «Я шел по твоему воспетому поэтами Невскому», «мосты повисли над водами», Медный Всадник, Адмиралтейская игла, «Эрмитаж. Я и раньше слышал об этом сказочном дворце искусства», легендарная «Аврора», Марсово поле.

Предикаты: «...а я расскажу, как тебя открывал таежник», «Я прижался к стене...», «...асфальт перестал пузыриться и кипеть, как котел», «Но это еще не примирило меня с тобой, мой город!», «Я привык к другому солнцу...», «...радовались они свежему воздуху», «Она почему-то напоминала пушкинскую Татьяну», «Я ее полюбил...», «Я мечтал встретить такую же», «она вправду явилась и повела меня по твоим проспектам, мостам и паркам» и др.

Способы выражения предельности: «...солнцу, дробящемуся в листьях деревьев на тысячи маленьких светил», «Каким широким оказался мир!».

Высшие ценности: жизнь, воспоминание, детство, школа, солнце, река, северное сияние «...северное сияние – самое яркое, живое, вечно движущееся искусство природы», «В школе мир широко раскрылся передо мной», «А откуда знать мир! Он бескраен и огромен», «Капли рождают реку, реки рождают море, ширь и глубину. Ленинград!», «Реки сливаются. Сливаются и судьбы народов» и др.

Элементы метаописания: улицы и архитектурные памятники города, река Нева.

С помощью данных языковых элементов Ю. Шесталов в повести «Синий ветер каслания» показывает свое видение Ленинграда, добавляя некую «картинку» в общий для писателей Петербургский текст. В целом, образ Ленинграда (Петербурга) воплотился у писателя-манси с одной стороны вполне конкретным городом с узнаваемой архитектурой: гранитными набережными, мостами, Эрмитажем, каменными сфинксами, с другой стороны – это город-Учитель, город Пробуждения, «сказка моей юности, мой новый чудесный чум, белая ночь с несмолкающей песней, длинный день с большим и добрым солнцем».

Улицы этого города – мои лесные тропы. Я иду по ним, как по тайге. Каждый дом – знакомое дерево» [Шесталов, 1974, 64]. Считаем, что для своего времени эти мысли и чувства были близки каждому северянину, впервые оказавшемуся в городе на Неве.

Заключение

Данной статьей на примере одной повести Ювана Шесталова нами лишь обозначена проблема метатекста в мансийской литературе. Творческое наследие писателя позволит значительно расширить исследование в данном направлении. Через атрибуты города Ю. Шесталов умело передает состояние своего героя. В целом, Ю. Шесталов вписал в петербургский текст свои страницы, которые так же ценны и значимы, как страницы А.С. Пушкина, А.А. Блока, Ф.М. Достоевского.

Библиография

1. Галимова Е.Ш. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы. URL: narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf
2. Косинцева Е.В. Образ города в прозе Е.Д. Айпина (на материале рассказа «Осень в твоём городе») // Вестник угроведения. 2017. № 2 (29). С. 64-68.
3. Косинцева Е.В. Парижский текст в творчестве Е. Д. Айпина // Вестник угроведения. 2016. № 2 (25). С. 36-45.
4. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту: Тартуский гос. университет, 1984. С. 30-45.
5. Меднис Н.Е. Петербургский текст русской литературы. URL: <http://www.rassvet.websib.ru>
6. Меднис Н.Е. Текст и его границы // Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru>; http://knIgor'od.gmsib///files/3_5.rar
7. Смирнова Т.В. Институт народов Севера в Ленинграде // История Петербурга. 2013. №1 (68). С. 43-50.
8. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту: Тартуский гос. университет, 1984. С. 4-29.
9. Шесталов Ю. Собрание сочинений. СПб., Ханты-Мансийск, 1997. Т. 1. 478 с.
10. Шесталов Ю. Шаг через тысячелетия. М.: Политиздат, 1974. 92 с.

The image of Leningrad in the works of Yuvan Shestalov (on the material of the story “The blue wind of nomadism”)

Svetlana S. Dinislamova

PhD in philology,

Ob-Ugric Institute of applied research and development,
628011, 14A Mira st., Khanty-Mansiysk, Russian Federation;

e-mail: dinislamovass@mail.ru

Abstract

The image of the urban environment for writers in the North is a rare phenomenon. In Mansi literature the theme of the city (the image of Leningrad) was raised by M.P. Vakhrusheva in the story “On the banks of the Malaya Yukonda” (1949), and by Yu. Shestalov in the story “The blue wind of nomadism” (1964). Leningrad is a «talent foundry» and the genuine cultural capital for the indigenous people of the Far North, Siberia and the Far East. In its history the city had several names. Studying the image of Leningrad in the creative works of Yu. Shestalov, we, in fact, consider the Petersburg text in the creative work of the Mansi writer. The notion of «the Petersburg text» was introduced into scientific circulation in 1984 by V.N. Toropov and Yu.M. Lotman. In the story of Yu. Shestalov the city seen through the eyes of the northerner is shown. In the whole the image of Leningrad (St. Petersburg) is embodied by the writer on the one hand as the very explicit city with the recognizable architecture: granite embankments, bridges, Hermitage, stone sphinxes; on the other hand it is the Teacher-city, the city of awakening, the city of youth. The writer slowly leads his monologue with the city, he trusts it his deepest thoughts. He feels the rejection to the urban environment, but he looks for the way to reconciliation. Having met his beloved the negative reality suddenly had disappeared and Leningrad had seemed clear and home. Through the attributes of the city Yu. Shestalov skillfully conveys the state of happiness of the hero. In the whole, Yu Shestalov introduced into Petersburg text his own pages, which are also valuable and important as pages of A.S. Pushkin, A.A. Blok, F.M. Dostoevsky.

For citation

Dinislamova S.S. (2017) *Obraz Leningrada v tvorchestve Yuvana Shestalova (na primere povesti “Sinii veter kaslaniya”)* [The image of Leningrad in the works of Yuvan Shestalov (on the material of the story “The blue wind of nomadism”)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 335-346.

Keywords

Yuvan Shestalov, “The blue wind of nomadism”, image of Leningrad, urban text, Petersburg text, Mansi literature.

References

1. Galimova E.Sh. *Severnyi tekst v sisteme lokal'nykh (gorodskikh i regional'nykh) sverkhstekstov russkoi literatury* [Northern text in the system of local (urban and regional) supertexts of Russian literature]. Available at: [narfu.ru>ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf](http://narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf) [Accessed 17/04/2017].
2. Kosintseva E.V. (2016) Parizhskii tekst v tvorchestve E.D. Aipina [The Paris text in the works of E.D. Aipin]. *Vestnik ugrovedeniya* [Ugric peoples studies], 2 (25), pp 36-45.
3. Kosintseva E.V. (2017) Obraz goroda v proze E.D. Aipina (na materiale rasskaza “Osen' v tvoem gorode”) [The image of the city in E.D. Aipin’s prose (on the material of the story “Autumn in your city”)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Ugric peoples studies], 2 (29), pp. 64-68.
4. Lotman Yu.M. (1984) Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [Heraldry of Petersburg and problems of the semiotics of the city]. *Trudy po znakovym sistemam* [Proceedings on sign systems], vol. 18. Vyp. 18. Tartu: Tartu university, pp. 30-45.
5. Mednis N.E. (2003) Tekst i ego granitsy [Petersburg text of Russian literature]. In: Mednis N.E. *Sverkhsteksty v russkoi literature* [Supertexts in Russian literature]. Novosibirsk. Available at: <http://rassvet.websib.ru>; http://knlgor'od.gmsib///files/3_5.rar [Accessed 17/04/2017].
6. Mednis N.E. *Peterburgskii tekst russkoi literatury* [Petersburg text of Russian literature]. Available at: <http://www.rassvet.websib.ru> [Accessed 17/04/2017].
7. Shestalov Yu. (1974) *Shag cherez tysyacheletiya* [Step through the millennium]. Moscow: Politizdat Publ.
8. Shestalov Yu. (1997) *Sobranie sochinenii* [Collected works], vol. 1. Saint Petersburg, Khanty-Mansiisk.
9. Smirnova T.V. (2013) Institut narodov Severa v Leningrade [Institute of the peoples of the North in Leningrad]. *Istoriya Peterburga* [History of Petersburg], 1 (68), pp. 43-50.
10. Toporov V.N. (1984) Peterburg i «Peterburgskii tekst russkoi literatury» (Vvedenie v temu) [Petersburg and “Petersburg text of Russian literature” (introduction to the topic)]. *Trudy po znakovym sistemam* [Proceedings on sign systems], vol. 18. Vyp. 18. Tartu: Tartu university, pp. 4-29.